

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности положений частей третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В.Махина

город Санкт-Петербург

16 июля 2015 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности частей третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина С.В.Махина. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность

в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.И.Бойцова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Статья 109 УПК Российской Федерации, регламентирующая сроки содержания под стражей, закрепляет, в частности, следующие требования:

срок содержания под стражей свыше 12 месяцев может быть продлен лишь в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, судьей суда, указанного в части третьей статьи 31 данного Кодекса, или военного суда соответствующего уровня по ходатайству следователя, внесенному с согласия в соответствии с подследственностью Председателя Следственного комитета Российской Федерации либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при соответствующем федеральном органе исполнительной власти), до 18 месяцев (часть третья);

дальнейшее продление срока не допускается; обвиняемый, содержащийся под стражей, подлежит немедленному освобождению, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 1 части восьмой и частью восьмой¹ данной статьи (часть четвертая);

материалы оконченого расследованием уголовного дела должны быть предъявлены обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику не позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей, установленного частями второй и третьей данной статьи (часть пятая);

если после окончания предварительного следствия материалы уголовного дела были предъявлены обвиняемому и его защитнику позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей, то

по его истечении обвиняемый подлежит немедленному освобождению; при этом за обвиняемым и его защитником сохраняется право на ознакомление с материалами уголовного дела (часть шестая);

в случае, если после окончания предварительного следствия сроки для предъявления материалов данного уголовного дела обвиняемому и его защитнику, предусмотренные частью пятой данной статьи, были соблюдены, однако 30 суток для ознакомления с материалами уголовного дела им оказалось недостаточно, следователь с согласия руководителя следственного органа по субъекту Российской Федерации или приравненного к нему руководителя иного следственного органа вправе не позднее чем за 7 суток до истечения предельного срока содержания под стражей возбудить ходатайство о продлении этого срока перед судом, указанным в части третьей статьи 31 данного Кодекса, или военным судом соответствующего уровня; если в производстве по уголовному делу участвует несколько обвиняемых, содержащихся под стражей, и хотя бы одному из них 30 суток оказалось недостаточно для ознакомления с материалами уголовного дела, то следователь вправе возбудить указанное ходатайство в отношении того обвиняемого или тех обвиняемых, которые ознакомились с материалами уголовного дела, если не отпала необходимость в применении к нему или к ним заключения под стражу и отсутствуют основания для избрания иной меры пресечения (часть седьмая).

Приведенные нормы корреспондируют части третьей статьи 237 УПК Российской Федерации, согласно которой при возвращении уголовного дела прокурору судья решает вопрос о мере пресечения в отношении обвиняемого; при необходимости судья продлевает срок содержания обвиняемого под стражей для производства следственных и иных процессуальных действий с учетом сроков, предусмотренных статьей 109 данного Кодекса.

1.1. Конституционность частей третьей – седьмой статьи 109 УПК Российской Федерации оспаривает гражданин С.В.Махин, который, как

следует из содержания его жалобы в Конституционный Суд Российской Федерации, связывает нарушение своих прав с их применением во взаимосвязи с частью третьей статьи 237 данного Кодекса.

В отношении С.В.Махина после его задержания 22 марта 2011 года по подозрению в совершении преступления судом была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В дальнейшем срок его содержания под стражей неоднократно продлевался, и 22 августа 2012 года – ранее чем за 30 суток до истечения предельного срока содержания под стражей, установленного частью третьей статьи 109 УПК Российской Федерации, – материалы окончательного расследования уголовного дела были предъявлены ему для ознакомления, после чего 27 декабря 2012 года данное уголовное дело с обвинительным заключением направлено прокурору Московской области, а 10 января 2013 года поступило в Московский областной суд для рассмотрения по существу. К тому времени общий срок содержания С.В.Махина под стражей с учетом времени ознакомления с материалами уголовного дела составил 21 месяц 19 суток.

Постановлением судьи Московского областного суда от 28 января 2013 года, оставленным без изменения апелляционным определением Московского областного суда от 25 марта 2013 года, указанное уголовное дело в соответствии с частью первой статьи 237 УПК Российской Федерации возвращено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, в связи с чем срок содержания С.В.Махина под стражей последовательно продлевался до 25 марта 2013 года и 25 мая 2013 года.

После поступления уголовного дела в прокуратуру Московской области 28 марта 2013 года оно было принято 4 апреля 2013 года к производству следователем. 7 мая 2013 года обвиняемый и его защитник были уведомлены об окончании следственных действий, и 17 мая 2013 года они приступили к повторному ознакомлению с материалами дела.

Впоследствии по ходатайствам следователя, мотивированным в числе прочего необходимостью ознакомления четырех обвиняемых и их

защитников с материалами уголовного дела, состоящего из более чем 20 томов, из которых 5 томов содержат охраняемую законом тайну, составления обвинительного заключения и направления дела прокурору, а также особой его сложностью (многоэпизодность инкриминированной обвиняемому преступной деятельности, количество привлекаемых к уголовной ответственности по делу лиц, прежний род их занятий, связанный со службой в правоохранительных органах, обладание специальными познаниями и навыками оперативно-розыскной работы) и отсутствием оснований для отмены или изменения избранной С.В.Махину меры пресечения, срок его содержания под стражей неоднократно продлевался судьями Московского областного суда вплоть до 2 февраля 2015 года, а всего – до 43 месяцев 25 суток.

Принимая такие решения, а также отказывая стороне защиты в удовлетворении жалоб на них, суды указывали на сохраняющееся значение фактических обстоятельств, на основании которых выносилось решение о заключении С.В.Махина под стражу, невозможность применения к нему иной меры пресечения и необходимость выполнения в полном объеме требований статьи 217 УПК Российской Федерации об ознакомлении всех обвиняемых с материалами уголовного дела. При этом доводы защиты о нарушении части шестой статьи 109 УПК Российской Федерации, предписывающей немедленное освобождение обвиняемого по истечении предельного (18 месяцев) срока его содержания под стражей, если после завершения предварительного следствия материалы уголовного дела были предъявлены обвиняемому позднее чем за 30 суток до окончания данного срока, были отвергнуты со ссылками на то, что требование о предоставлении материалов окончательного расследования уголовного дела обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику не позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей было соблюдено при ознакомлении С.В.Махина с материалами дела до направления его в суд;

новое же ознакомление с материалами дела осуществляется после его возвращения судом прокурору в порядке статьи 237 данного Кодекса.

1.2. По утверждению С.В.Махина, положения частей третьей – седьмой статьи 109 УПК Российской Федерации в их взаимосвязи с частью третьей статьи 237 данного Кодекса нарушают его права, гарантируемые статьями 17 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 22 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, поскольку в силу своей неопределенности и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют после возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом продлевать срок содержания обвиняемого под стражей при его повторном ознакомлении с материалами данного дела вне зависимости от того, что они были предъявлены позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей, а потому, как считает заявитель, эти положения дают стороне обвинения возможность после возвращения судом уголовного дела прокурору устранять недостатки расследования, не будучи связанной предельным сроком содержания обвиняемого под стражей.

Поставленный заявителем вопрос ранее уже затрагивался в жалобах, направляемых в Конституционный Суд Российской Федерации, по которым принимались решения, однако в связи с продолжающимся поступлением обращений о нарушении конституционных прав граждан указанными нормами, а также учитывая сложившуюся практику их применения Конституционный Суд Российской Федерации полагает возможным вернуться к вопросу об их конституционности и принять жалобу С.В.Махина к рассмотрению.

1.3. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобе гражданина конституционность законоположений, примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих

конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Соответственно, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения частей третьей – седьмой статьи 109 УПК Российской Федерации в их взаимосвязи с частью третьей статьи 237 данного Кодекса в той мере, в какой на их основании решается вопрос о продлении срока содержания обвиняемого под стражей на период ознакомления обвиняемого с материалами возвращенного прокурору уголовного дела после устранения препятствий его рассмотрения судом и завершения необходимых для этого следственных и иных процессуальных действий.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и возлагает на Россию как демократическое правовое государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, охранять достоинство личности, нравственность, здоровье, честь и доброе имя каждого и в этих целях, а также в целях охраны иных конституционных ценностей, включая законность, правопорядок и общественную безопасность, требует законодательного определения уголовно-правовых запретов общественно опасных деяний и наказания за их нарушение, закрепляет возможность ограничения права на свободу и личную неприкосновенность по судебному решению и в установленном законом порядке; в случаях, когда охраняемые ею ценности становятся объектом преступных посягательств, правосудие по уголовным делам осуществляется при обеспечении права на судебную

защиту как потерпевшим от преступлений, так и лицам, преступившим уголовный закон (статья 1, часть 1; статьи 2 и 17; статья 21, часть 1; статья 22; статья 23, часть 1; статья 52; статья 55, часть 3; статья 71, пункты «в», «о»; статья 76, часть 1).

Вместе с тем, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях, публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей (постановления от 27 апреля 2001 года № 7-П, от 30 октября 2003 года № 15-П, от 22 марта 2005 года № 4-П, от 14 июля 2005 года № 9-П, от 16 июня 2009 года № 9-П и др.). Никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределенный или слишком продолжительный срок, а законодатель обязан установить четкие и разумные временные рамки допускаемых ограничений прав и свобод (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 2009 года № 11-П и от 20 июля 2011 года № 20-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 года № 86-О). По смыслу закрепленного в статье 49 Конституции Российской Федерации принципа презумпции невиновности, до вступления в законную силу обвинительного приговора на подозреваемого, обвиняемого не могут быть наложены ограничения, в своей совокупности сопоставимые по степени тяжести, в том числе срокам, с уголовным наказанием, а тем более превышающие его (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 года № 27-П).

По смыслу же статей 22, 46 (часть 1), 48, 118, 120 и 123 Конституции Российской Федерации, суд как орган правосудия призван обеспечить справедливую процедуру принятия решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу исходя из одинаковой природы и значения

судебных гарантий для защиты прав и законных интересов личности при принятии решений, связанных с ограничением свободы и личной неприкосновенности, вне зависимости от того, на какой стадии уголовного судопроизводства эти решения принимаются (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 года № 4-П).

Приведенные требования Конституции Российской Федерации, а также основанные на них правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации предполагают, что ограничение права на свободу и личную неприкосновенность в связи с необходимостью изоляции лица от общества, применяемой в виде меры пресечения в уголовном процессе, должно обеспечиваться судебным контролем и другими правовыми гарантиями его справедливости и соразмерности, с тем чтобы данный вопрос не мог решаться произвольно или исходя из одних лишь формальных условий, а суд основывался на самостоятельной оценке существенных для таких решений обстоятельств, соблюдая баланс публичных интересов правосудия, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. При этом конкретные границы контролируемых судом сроков содержания под стражей непосредственно Конституцией Российской Федерации не устанавливаются и не являются обязательным условием обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность и его судебной защиты, а определяются законодателем с учетом их разумности, обусловленной недопустимостью возложения на подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления обременений на неопределенное или слишком долгое время, и принимая во внимание требования эффективности реализации публичных функций и процессуальной экономии.

Аналогичной позиции придерживается и Европейский Суд по правам человека, по мнению которого правовая защита лица от произвольного вмешательства со стороны государства в его право на свободу, гарантированное статьей 5 Конвенции о защите прав человека и основных

свобод, предполагает соразмерность ограничения этого права, означающую обеспечение баланса между общественными интересами, которые могут потребовать предварительного заключения лица под стражу, и важностью права на свободу личности – с учетом презумпции невиновности; при установлении такого баланса важным фактором является продолжительность содержания под стражей, которая не должна превышать разумных пределов; при этом, хотя особая тяжесть преступлений может вызвать такую реакцию общества и социальные последствия, которые делают оправданным предварительное заключение лица по крайней мере в течение определенного времени, продление содержания под стражей на основе учета одной только тяжести преступления недопустимо, – необходим учет обстоятельств, оправдывающих его содержание под стражей (возможность давления на свидетелей, опасность, что это лицо скроется от правосудия, и др.), а также важность предмета разбирательства, сложность дела, поведение этого лица, мнение компетентных органов и др. (постановления от 26 июня 1991 года по делу «Летелье (*Letellier*) против Франции», от 27 августа 1992 года по делу «Томази (*Tomasi*) против Франции», от 28 октября 1994 года по делу «Мюррей (*Murray*) против Соединенного Королевства», от 10 февраля 1995 года по делу «Аллене де Рибемон (*Allet de Ribemont*) против Франции», от 28 марта 2000 года по делу «Барановский (*Baranowski*) против Польши», от 6 апреля 2000 года по делу «Лабита (*Labita*) против Италии», от 28 июня 2007 года по делу «Шухардин против России» и от 3 июля 2008 года по делу «Белов против России»).

Следовательно, применение такой непосредственно затрагивающей право на свободу и личную неприкосновенность меры пресечения, как заключение под стражу, предполагает определение в законе временных рамок содержания лица под стражей в соответствии с принципами справедливости и равенства, с тем чтобы обеспечить защиту конституционно признанных ценностей, осуществление правосудия по уголовным делам и доступ к нему потерпевших, компенсацию причиненного преступлением

ущерба, а также гарантировать право на возмещение государством вреда, причиненного подозреваемому, обвиняемому в случае их незаконного уголовного преследования, произвольного и несоразмерного ограничения их права на свободу и личную неприкосновенность (статья 46, часть 1; статьи 52 и 53 Конституции Российской Федерации).

3. Конкретизируя положения статьи 22 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 55 (часть 3) применительно к такой мере пресечения, как заключение под стражу, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет единые для всего уголовного судопроизводства нормативные основания ее применения (статьи 97, 99 и 108), а также закрепляет сроки содержания под стражей и порядок их продления.

3.1. Согласно статье 109 УПК Российской Федерации содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца (часть первая); при невозможности закончить предварительное следствие в указанный срок он может быть продлен судьей до 6 месяцев; дальнейшее продление срока до 12 месяцев допускается в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела (часть вторая), а в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, – до 18 месяцев (часть третья). Таким образом, продолжительность содержания под стражей на досудебной стадии производства по уголовным делам имеет строго фиксированные ограничения, за пределами которых дальнейшее продление пребывания под стражей, по общему правилу, не допускается, чем предопределяется обязательность немедленного освобождения содержащегося под стражей обвиняемого (часть четвертая статьи 109 УПК Российской Федерации).

Вместе с тем в связи с необходимостью обеспечить закрепленное в подпункте «b» пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод право каждого обвиняемого в совершении преступления

иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты часть третья статьи 217 УПК Российской Федерации, регламентирующей процедуру ознакомления с материалами уголовного дела после производства по нему всех следственных действий, не допускает ограничение обвиняемого и его защитника во времени, необходимом им для такого ознакомления (кроме случая, если обвиняемый и его защитник, приступившие к ознакомлению с данными материалами, явно затягивают время такого ознакомления). С учетом этого предусматривается возможность продления срока содержания под стражей сверх установленных частями второй и третьей статьи 109 УПК Российской Федерации предельных сроков до момента завершения ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами оконченого расследованием уголовного дела и направления прокурором уголовного дела в суд – для случаев, когда данные материалы были предъявлены обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику не позднее чем за 30 суток до окончания указанных предельных сроков содержания под стражей, однако для ознакомления с ними этого времени оказалось недостаточно; при этом если в производстве по уголовному делу участвует несколько обвиняемых, содержащихся под стражей, и хотя бы одному из них 30 суток оказалось недостаточно для ознакомления с материалами уголовного дела, то следователь с согласия руководителя следственного органа по субъекту Российской Федерации или приравненного к нему руководителя иного следственного органа вправе не позднее чем за 7 суток до истечения предельного срока содержания под стражей возбудить ходатайство о продлении этого срока перед соответствующим судом и в отношении того обвиняемого или тех обвиняемых, которые ознакомились с материалами уголовного дела, если не отпала необходимость в применении к нему или к ним заключения под стражу и отсутствуют основания для избрания иной меры пресечения (части пятая и седьмая статьи 109 УПК Российской Федерации). Судья не позднее чем через 5 суток со дня получения ходатайства следователя принимает в

установленном порядке решение либо о продлении срока содержания под стражей до момента окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, если таковое не может быть завершено в течение 30 суток, либо об отказе в удовлетворении ходатайства следователя и освобождении обвиняемого из-под стражи (часть восьмая статьи 109 УПК Российской Федерации).

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что права граждан не нарушаются законоположениями, не устанавливающими конкретную продолжительность срока содержания обвиняемого под стражей в период его ознакомления с материалами уголовного дела, допуская возможность определения этого срока в зависимости от обстоятельств данного дела (определения от 6 июня 2003 года № 184-О, от 15 июля 2003 года № 308-О, от 23 апреля 2013 года № 548-О, от 22 апреля 2014 года № 877-О, от 7 октября 2014 года № 2162-О и др.).

3.2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет отдельно для досудебной и судебной стадий уголовного судопроизводства различные по продолжительности сроки содержания под стражей, а потому законодательно не установлен и единый предельный срок такого содержания, притом что для судебной стадии формальных ограничений, определяющих максимальный срок содержания под стражей, не предусмотрено.

Так, на судебной стадии предельный срок содержания подсудимого под стражей не может превышать 6 месяцев; по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях суд, в чьем производстве находится дело, по истечении 6 месяцев со дня его поступления в суд вправе продлить срок содержания подсудимого под стражей, но каждый раз не более чем на 3 месяца (части вторая и третья статьи 255 УПК Российской Федерации). Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, адресованное суду требование не реже чем через 3 месяца возвращаться к рассмотрению вопроса о наличии оснований для дальнейшего содержания подсудимого под

стражей – независимо от того, имеются ли на этот счет какие-либо обращения сторон или нет, – обеспечивает судебный контроль за законностью и обоснованностью применения данной меры пресечения и ее отмену в случае, если необходимость в ней не будет доказана (Постановление от 22 марта 2005 года № 4-П; определения от 7 февраля 2013 года № 133-О, от 17 июня 2013 года № 1006-О и от 23 декабря 2014 года № 2795-О).

Особым случаем продления срока содержания обвиняемого под стражей является принятие такого решения при возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом согласно частям первой и первой² статьи 237 УПК Российской Федерации, поскольку неустранимость в судебном производстве процессуальных нарушений, имевших место на этапе предварительного расследования, предполагает осуществление необходимых следственных и иных процессуальных действий, что – в контексте стадийности уголовного судопроизводства – превращает процедуру возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его судебному рассмотрению, по существу, в особый порядок движения уголовного дела, не тождественный его возвращению для производства дополнительного расследования (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 года № 16-П).

При этом положения статей 109 и 255 УПК Российской Федерации не предполагают включения времени содержания под стражей на стадии предварительного расследования в срок содержания под стражей на судебной стадии, как и наоборот. В противном случае порядок исчисления сроков содержания под стражей привел бы к взаимозависимости решений об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу, принятых судом на досудебной и судебной стадиях, ограничению применения данной меры пресечения вопреки основаниям и условиям ее избрания и продления, а потому ставил бы под угрозу ценности, для защиты

которых она избирается (статья 97 данного Кодекса) (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 4 октября 2012 года № 1853-О и № 1854-О).

Именно поэтому, согласно прямому предписанию части третьей статьи 237 УПК Российской Федерации, являющейся специальной нормой, при возвращении уголовного дела прокурору вопрос о необходимости продления срока содержания обвиняемого под стражей для производства следственных и иных процессуальных действий судья решает лишь с учетом сроков, предусмотренных статьей 109 данного Кодекса, но не по правилам этой статьи. Тем самым уголовно-процессуальный закон не распространяет норму части четвертой статьи 109 УПК Российской Федерации о недопустимости продления срока содержания под стражей на данный особый порядок движения уголовного дела.

Иное ставило бы под сомнение как таковые цели направления уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, подвергало бы угрозе самой возможности осуществления правосудия по уголовному делу, по которому установленные статьей 109 УПК Российской Федерации предельные сроки содержания обвиняемого под стражей истекли, но не отпали закрепленные статьей 97 данного Кодекса правовые и фактические основания для его пребывания под стражей, либо приводило бы к нарушению разумных сроков уголовного судопроизводства.

Учитывая, что однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться схожим образом, при решении вопроса о продлении пребывания обвиняемого под стражей на необходимое для обеспечения права на ознакомление с материалами уголовного дела время, выходящее за рамки предельного срока содержания под стражей, правила, предусмотренные частью седьмой и пунктом 1 части восьмой статьи 109 УПК Российской Федерации и рассчитанные на случай предъявления материалов уголовного дела обвиняемому и его защитнику для ознакомления, подлежат применению с учетом специфики особого порядка

движения возвращенного прокурору уголовного дела, а именно с исключением требования части пятой данной статьи о предъявлении обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику материалов окончательным расследованием уголовного дела не позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей, установленного ее частями второй и третьей.

Таким образом, суд может продлить время содержания обвиняемого под стражей за рамками предельного срока в целях его ознакомления с материалами, полученными в результате проведения необходимых для устранения препятствий к судебному рассмотрению уголовного дела следственных и иных процессуальных действий, а по ходатайству обвиняемого или его защитника – и с иными материалами данного дела.

4. Поскольку конституционные принципы правосудия предполагают неукоснительное следование процедуре уголовного преследования, что гарантирует соблюдение процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, суд, выявив допущенные органами дознания или предварительного следствия процессуальные нарушения, вправе принимать предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры по их устранению с целью восстановления нарушенных прав и создания условий для всестороннего и объективного рассмотрения дела по существу. Приведение процедуры предварительного расследования в соответствие с требованиями уголовно-процессуального закона, создание предпосылок для правильного применения норм уголовного закона дают возможность после устранения выявленных процессуальных нарушений вновь направить дело в суд для рассмотрения по существу и принятия по нему решения. Тем самым обеспечиваются гарантированные Конституцией Российской Федерации право обвиняемого на судебную защиту и право потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статьи 46 и 52), а также условия для вынесения судом правосудного, т.е. законного, обоснованного и справедливого, решения по делу (постановления Конституционного Суда

Российской Федерации от 4 марта 2003 года № 2-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П, от 16 мая 2007 года № 6-П, от 21 апреля 2010 года № 10-П и от 2 июля 2013 года № 16-П).

Соответственно, обеспечивая конституционное право каждого на судебную защиту, подразумевающее создание необходимых условий для эффективного и справедливого судебного разбирательства, суд, по смыслу части первой статьи 237 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с его статьями 97, 99, 109, 227, 228, 255 и 256, возвращая, если это необходимо для защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, уголовное дело прокурору по ходатайству стороны или по собственной инициативе при наличии обстоятельств, не устранимых в судебном заседании и исключающих принятие по делу судебного решения, отвечающего требованиям справедливости, обязан – учитывая обстоятельства, послужившие основанием для направления дела прокурору, и исходя из существа допущенных процессуальных нарушений – установить разумный срок, который достаточен для производства следственных и иных процессуальных действий, необходимых для устранения препятствий к судебному рассмотрению дела, и разрешить вопрос о мере пресечения. При этом, решая вопрос о продлении пребывания обвиняемого под стражей (или избирая вновь данную меру пресечения) при возвращении уголовного дела прокурору (если сохраняются причины для применения данной меры пресечения с учетом правовых и фактических обстоятельств, подтверждающих наличие как общих нормативных оснований для избрания мер пресечения, которые могут иметь место в течение всего времени производства по уголовному делу, так и специальных условий назначения и продления заключения под стражу), суд обязан определить и разумный срок содержания под стражей, принимая во внимание необходимость произвести следственные и иные процессуальные действия для устранения препятствий к судебному рассмотрению дела и обеспечить право на ознакомление с его материалами.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, по смыслу части третьей статьи 237 УПК Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 6¹ данного Кодекса, содержащей требования об осуществлении уголовного судопроизводства в разумный срок, суд, решая после возвращения уголовного дела прокурору вопрос о продлении срока содержания обвиняемого под стражей для ознакомления с материалами дела, обязан руководствоваться прежде всего безусловной необходимостью обеспечения права обвиняемого на ознакомление с новыми для него, не фигурировавшими ранее в деле материалами, которые получены в ходе устранения выявленных судом препятствий к судебному рассмотрению дела и с которыми обвиняемый еще не имел возможности ознакомиться, что, однако, не препятствует суду в процессе такого ознакомления рассмотреть ходатайство о продлении действия данной меры пресечения, обусловленном потребностью обвиняемого в обращении и к тем материалам, с которыми онзнакомился до направления дела в суд, с учетом общей продолжительности нахождения его под стражей, которая не должна превышать разумных сроков (Определение от 7 октября 2014 года № 2162-О).

Следовательно, продлевая действие меры пресечения либо отказываясь от ее продления, суд не просто соглашается или не соглашается с необходимостью такого продления, но принимает решение исходя из анализа всего комплекса обстоятельств, в том числе связанных с переходом уголовного судопроизводства в особый порядок движения возвращенного прокурору уголовного дела, проверяя при этом наличие общих и специальных оснований для применения меры пресечения.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет сокращенный срок подачи и рассмотрения жалобы на судебные решения, связанные с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу (часть одиннадцатая статьи 108), предоставляет обвиняемому и его защитнику право в любой момент производства по уголовному делу заявить ходатайство органу, осуществляющему уголовное судопроизводство, об

отмене или изменении меры пресечения (статьи 47, 53 и 119–122), гарантирует право на возмещение вреда в случае незаконного применения мер процессуального принуждения, в том числе мер пресечения (часть третья статьи 133).

По смыслу положений статьи 109 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с нормами статьи 72 УК Российской Федерации, время содержания под стражей в качестве меры пресечения во всяком случае подлежит зачету при определении общего срока назначенного судом наказания. Назначая наказание в виде лишения свободы, суд решает вопрос о зачете времени предварительного содержания под стражей и указывает в приговоре окончательную меру наказания, подлежащую отбытию с учетом времени содержания под стражей на основании статьи 72 УК Российской Федерации (пункты 5 и 9 части первой статьи 308 УПК Российской Федерации). При этом такие обстоятельства, как продолжительность предварительного расследования и рассмотрения дела в судах первой и второй инстанций, продолжительность содержания под стражей, не могут предопределять вид и размер назначаемого судом наказания как меры уголовной ответственности, которая должна быть адекватной содеянному, – иное несовместимо с предназначением правосудия, которое по своей сути должно отвечать требованиям справедливости (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2003 года № 1-П).

Таким образом, при постановлении приговора суд, определяя вид и размер наказания, обязан назначить справедливое наказание, которое может быть мягче, чем лишение свободы, а при назначении лишения свободы – меньше срока содержания под стражей, отбытого в качестве меры пресечения. Согласно же прямому предписанию части пятой статьи 72 УК Российской Федерации при назначении осужденному, содержавшемуся под стражей до судебного разбирательства, в качестве основного вида наказания штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься

определенной деятельностью суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает его от отбывания этого наказания.

Вместе с тем в случае назначения наказания, несопоставимого с ограничениями, связанными с данной мерой пресечения, в том числе в части продолжительности содержания под стражей, которое претерпел обвиняемый, суд в приговоре может признать его право на возмещение вреда в порядке, установленном главой 18 УПК Российской Федерации (части третья и пятая статьи 133 УПК Российской Федерации, пункты 4 и 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 года № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве»). Положения названной главы не исключают принятие судом решения о возмещении вреда, причиненного незаконным применением к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу и в случаях, когда органом предварительного расследования или судом не принято решение о полной реабилитации подозреваемого или обвиняемого (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2005 года № 242-О, от 18 января 2011 года № 47-О-О и от 17 ноября 2011 года № 1583-О-О).

Не лишен обвиняемый и права на присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок по основаниям и в порядке, установленным Федеральным законом от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и статьей 6¹ УПК Российской Федерации, что является специальным – вспомогательным к общегражданскому порядку возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов, в том числе судов, – механизмом защиты прав на судебную защиту и на справедливое судебное разбирательство (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2011 года № 17-П; определения Конституционного

Суда Российской Федерации от 3 апреля 2014 года № 687-О, от 13 мая 2014 года № 975-О и др.).

Тем самым Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит средства защиты нарушенных прав, которым корреспондирует ряд предусмотренных действующим уголовным и уголовно-процессуальным законодательством дополнительных средств правовой защиты от произвольного или несоразмерно длительного содержания под стражей при осуществлении уголовного судопроизводства – как превентивного, так и компенсаторного характера, включая возмещение вреда, причиненного необоснованным содержанием под стражей.

6. Таким образом, положения частей третьей – седьмой статьи 109 УПК Российской Федерации в их взаимосвязи с частью третьей статьи 237 данного Кодекса не противоречат Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, в том числе в нормативной связи с иными положениями его статьи 237 и положениями его статей 6¹ и 217, предполагают, что при возвращении уголовного дела прокурору продление срока содержания обвиняемого под стражей, превышающего предусмотренный для стадии предварительного расследования предельный срок содержания под стражей, допускается лишь при сохранении оснований и условий применения данной меры пресечения, для обеспечения исполнения приговора и на устанавливаемый судом разумный срок, определяемый с учетом существа обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом, и времени, необходимого для их устранения и обеспечения права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела, а также не исключают возможность применения предусмотренных законом средств компенсаторного характера в случае несоразмерно длительного содержания под стражей при обстоятельствах, связанных с необходимостью устранения препятствий рассмотрения уголовного дела судом.

Признанием указанных положений не противоречащими Конституции Российской Федерации в их конституционно-правовом смысле, выявленном в настоящем Постановлении, не исключается полномочие федерального законодателя в процессе совершенствования правового регулирования судебной защиты права на свободу и личную неприкосновенность:

внести в него изменения, направленные на уточнение оснований и порядка продления срока содержания обвиняемых под стражей после возвращения судом уголовного дела прокурору, на усиление гарантий разумности этого срока и защиты обвиняемых от несоразмерно длительного содержания под стражей;

предусмотреть в дополнение к действующему правовому регулированию специальные правила, регламентирующие основания и порядок продления срока содержания обвиняемых под стражей на время, необходимое для устранения выявленных судом препятствий к судебному рассмотрению уголовного дела и обеспечения права обвиняемых на ознакомление с его материалами перед направлением данного дела в суд для его рассмотрения по существу.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения частей третьей – седьмой статьи 109 УПК Российской Федерации в их взаимосвязи с частью третьей статьи 237 данного Кодекса не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, в том числе в нормативной связи с иными положениями статьи 237 УПК Российской Федерации и положениями статей 6¹ и 217 данного Кодекса, – предполагают, что при возвращении уголовного дела прокурору продление срока содержания обвиняемого под

стражей, превышающего предусмотренный для стадии предварительного расследования предельный срок содержания под стражей, допускается лишь при сохранении оснований и условий применения данной меры пресечения, для обеспечения исполнения приговора и на устанавливаемый судом разумный срок, определяемый с учетом существа обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом, и времени, необходимого для их устранения и обеспечения права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела, а также не исключают возможность применения предусмотренных законом средств компенсаторного характера в случае несоразмерно длительного содержания под стражей при обстоятельствах, связанных с необходимостью устранения препятствий рассмотрения уголовного дела судом.

2. В силу статьи 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» конституционно-правовой смысл положений частей третьей – седьмой статьи 109 УПК Российской Федерации в их взаимосвязи с частью третьей статьи 237 данного Кодекса, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения, принятые по уголовному делу гражданина Махина Сергея Викторовича, основанием для которых послужили положения частей третьей – седьмой статьи 109 УПК Российской Федерации в их взаимосвязи с частью третьей статьи 237 данного Кодекса в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 23-П

**Мнение судьи Конституционного Суда
Российской Федерации Г.А.Гаджиева**

Мною разделяются выводы, содержащиеся в резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации о конституционно-правовом истолковании оспоренных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Данная проблема по существу уже была решена Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 25 декабря 1998 года № 167-О, принятом по делу о проверке частей четвертой, пятой и шестой статьи 97 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан П.В.Янчева, В.А.Жеребенкова и М.И.Сапронова. Заявители по указанному делу просили Конституционный Суд Российской Федерации проверить конституционность названных законоположений, на основании которых были вынесены судебные решения о продлении сроков содержания под стражей после истечения предельного 18-месячного срока для ознакомления обвиняемых с материалами уголовного дела. При этом заявителям В.А.Жеребенкову и М.И.Сапронову срок содержания под стражей продлевался дважды, так как дело в отношении них возвращалось судом для дополнительного расследования и, соответственно, дважды обвиняемые знакомились с его материалами.

Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал правовую позицию, согласно которой предельный полуторагодовой срок содержания обвиняемого под стражей (части вторая и третья статьи 97 УПК РСФСР) носит характер общего запрета, что не исключает возможности продления срока содержания под стражей в связи с тем, что ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами дела до истечения предельного срока содержания под стражей невозможно. Частью этой правовой позиции является вывод Конституционного Суда Российской Федерации о том, что недопустимо многократное (повторное) продление сроков содержания обвиняемого под стражей со ссылками на одну лишь необходимость ознакомиться с материалами оконченого расследования, поскольку это противоречило бы конституционному требованию о недопустимости избыточного или не ограниченного по продолжительности содержания под стражей. Такой же вывод был сформулирован и в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 14-П по делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В.Щелухина.

Необходимость изложения своего мнения я вижу в том, что следует более конкретно разъяснить, в чем состоит объективная потребность в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства и в чем новизна правовой ситуации.

Дело в том, что в момент принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в силу того что был исключен институт дополнительного расследования, законодатель не мог предвидеть возникновения следующих проблем в практике применения статей 109 и 237 УПК Российской Федерации:

- 1) необходимость применения сроков содержания под стражей обвиняемых на период движения дела из суда обратно прокурору и возникшую, судя по обстоятельствам дела заявителя, трансформацию «устранения допущенных нарушений» в нерегулируемое действующим

Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации по существу дополнительное расследование (в жалобе заявителя содержатся данные о том, что после поступления из суда дела к прокурору проводились полноценные следственные действия, в результате чего количество томов уголовного дела возросло с 12 до 24);

2) принятие судами к рассмотрению кассационных представлений на постановления о возвращении уголовных дел прокурорам для устранения препятствий в их рассмотрении судами.

Полностью разделяя содержащиеся в данном Постановлении рекомендации в адрес законодателя о возможных изменениях и дополнениях института продления сроков содержания под стражей, считаю необходимым, чтобы законодатель предусмотрел гарантии того, чтобы меры пресечения в виде лишения свободы не использовались органами предварительного расследования не по своему прямому назначению – т.е. как наказание и недопустимый способ воздействия на обвиняемых.

Особое мнение

судьи Конституционного Суда Российской Федерации

Ю.М.Данилова

Заявляя свое особое мнение в связи с принятым Конституционным Судом Российской Федерации Постановлением по делу о проверке конституционности положений частей третьей – шестой статьи 109 УПК Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В.Махина, считаю необходимым обратить внимание на следующие обстоятельства.

1. С.В.Махин 22 марта 2011 года был задержан по подозрению в совершении преступления. Постановлением судьи от 24 марта 2011 года ему была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, которая в дальнейшем неоднократно продлевалась вплоть до 25 января 2013 года.

Оконченное расследованием уголовное дело в отношении него было направлено для рассмотрения по существу в Московский областной суд 9 января 2013 года.

Постановлением Московского областного суда от 28 января 2013 года уголовное дело возвращено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом: срок содержания под стражей обвиняемого продлен до 25 марта 2013 года, притом что на тот момент он находился под стражей более 21 месяца (таким образом, был превышен предельно допустимый 18-месячный срок, предусмотренный частью третьей статьи 109 УПК Российской Федерации).

В дальнейшем в ходе проведения следственных действий (в том числе допросов и очных ставок, что, необходимо отметить, законом не предусмотрено) и повторного ознакомления с материалами уголовного дела в связи с окончанием его расследования срок содержания под стражей С.В.Махина неоднократно продлевался вплоть до 2 февраля 2015 года.

Оспаривая постановление Московского областного суда от 27 февраля 2014 года о продлении ему меры пресечения в виде заключения под стражу на период, связанный с окончанием ознакомления его и других обвиняемых с материалами уголовного дела, в апелляционной жалобе заявитель указал, что его не должны содержать под стражей свыше 18 месяцев и с учетом предъявления для ознакомления материалов уголовного дела позднее чем за 30 суток он подлежит освобождению. Его доводы были признаны несостоятельными: как указал суд, в силу требований частей третьей, четвертой и восьмой статьи 109 УПК Российской Федерации продление срока содержания обвиняемого под стражей свыше 18 месяцев возможно до момента окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела и направления прокурором уголовного дела в суд. Утверждения защитника С.В.Махина о нарушении требований части шестой статьи 109 данного Кодекса признаны необоснованными, так как ознакомление с материалами уголовного дела осуществляется после его

возвращения в порядке статьи 237 данного Кодекса (апелляционное определение Московского областного суда от 1 апреля 2014 года).

Таким образом, позиция судов заключается в том, что установленный законом 18-месячный предельный срок содержания под стражей не распространяется на случаи, когда дело возвращается прокурору для устранения препятствий его рассмотрения в суде.

Указывая на нарушение его конституционных прав, заявитель полагает, что положения статьи 109 (части третья – седьмая) названного Кодекса не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 22 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (части 2 и 3), в связи с их неопределенностью, поскольку они по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, позволяют суду при возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения в суде и последующего повторного направления его в суд продлевать срок содержания под стражей сверх установленных законом предельных сроков.

2. Конкретизируя положения статьи 22 Конституции Российской Федерации о праве каждого на свободу и личную неприкосновенность во взаимосвязи с ее статьей 55 (часть 3) применительно к такой мере пресечения, как заключение под стражу, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет единые для всего уголовного судопроизводства нормативные основания применения этой меры (статьи 97, 99 и 108), а также закрепляет обязанность суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя немедленно освободить незаконно задержанного, лишеного свободы или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного законом (часть вторая статьи 10).

В соответствии со статьей 109 данного Кодекса содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать два месяца (часть первая); при невозможности закончить предварительное следствие в указанный срок он может быть продлен до шести месяцев; дальнейшее продление срока до 12 месяцев допускается в отношении лиц, обвиняемых в

совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела (часть вторая), а в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, – до 18 месяцев (часть третья).

Таким образом, продолжительность содержания под стражей на досудебной стадии производства по уголовным делам имеет строго фиксированные ограничения, за пределами которых дальнейшее продление пребывания под стражей не допускается. По истечении предельного срока содержания под стражей обвиняемый подлежит немедленному освобождению (часть шестая статьи 109 данного Кодекса).

Вопрос о конституционности оспариваемых положений статьи 109 УПК Российской Федерации уже неоднократно был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, который в своих решениях (Постановление от 22 марта 2005 года № 4-П; определения от 6 июня 2003 года № 184-О, от 23 апреля 2013 года № 548-О, от 22 апреля 2014 года № 877-О, от 7 октября 2014 года № 2162-О и др.) отметил, что исходя из одинаковой природы и значения судебных гарантий для защиты прав и законных интересов личности при принятии решений, связанных с ограничением свободы и личной неприкосновенности, суд как орган правосудия призван обеспечить справедливую процедуру принятия решения о применении заключения под стражу в качестве меры пресечения вне зависимости от того, на каком этапе уголовного судопроизводства эти решения принимаются.

По смыслу положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предельный срок содержания обвиняемого под стражей на досудебной стадии производства по уголовным делам может быть продлен лишь в целях завершения ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования, и то только в случаях, когда ознакомление с делом началось не позднее 30 суток до истечения предельного срока содержания под стражей

(части четвертая, пятая и седьмая статьи 109). Данный вывод неоднократно был подтвержден решениями Конституционного Суда Российской Федерации (определения от 6 июня 2003 года № 184-О, от 15 июля 2003 года № 308-О, от 23 апреля 2013 года № 548-О, от 22 апреля 2014 года № 877-О, от 17 июля 2012 года № 1454-О и др.) с констатацией того факта, что права заявителей не нарушаются законоположениями, не устанавливающими конкретную продолжительность срока содержания обвиняемого под стражей в период его ознакомления с материалами уголовного дела, допуская возможность определения этого срока в зависимости от обстоятельств уголовного дела, поскольку закон не допускает ограничения обвиняемого и его защитника во времени, необходимом для такого ознакомления (кроме случаев, если обвиняемый и его защитник, приступившие к ознакомлению с материалами уголовного дела, явно затягивают время ознакомления).

3. Особым случаем продления содержания обвиняемого под стражей является, согласно части первой статьи 237 УПК Российской Федерации, принятие такого решения при возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, которые суд не может устранить самостоятельно. Возвращение уголовного дела прокурору не приводит к автоматическому восстановлению избранной ранее на период предварительного расследования меры пресечения – она прекращает свое действие после направления прокурором уголовного дела в суд.

По смыслу части третьей этой статьи, суд, решая при возвращении уголовного дела прокурору вопрос о продлении срока содержания обвиняемого под стражей, обязан устанавливать разумный срок, необходимый для производства процессуальных действий, учитывая при этом продолжительность содержания обвиняемого под стражей на досудебной стадии процесса, с тем чтобы его пребывание под стражей не превысило предельные сроки, предусмотренные статьей 109 УПК Российской Федерации, и исключало время содержания обвиняемого под стражей со дня поступления уголовного дела в суд и до его возвращения

прокурору, сроки исчисления которого определены статьей 255 названного Кодекса для судебной стадии.

Иными словами, применительно к делам об особо тяжких преступлениях в системе действующего правового регулирования предельный срок содержания под стражей ни при каких обстоятельствах не должен превышать 18 месяцев даже в стадии возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Данный вывод основан на высказанной Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 7 октября 2014 года № 2162-О правовой позиции, согласно которой суд при возвращении уголовного дела прокурору, решая вопрос о продлении срока содержания обвиняемого под стражей, обязан устанавливать разумный срок, необходимый для производства процессуальных действий, учитывая при этом продолжительность содержания обвиняемого под стражей на досудебной стадии процесса, с тем чтобы его пребывание под стражей не превысило предельные сроки, предусмотренные статьей 109 упомянутого Кодекса.

При этом недопустим и двойной учет срока, в течение которого подсудимый содержался под стражей ранее – со дня первоначального поступления уголовного дела в суд и до его возвращения прокурору по предусмотренным статьей 237 этого Кодекса основаниям; такой двойной учет имел бы место в случае включения этого периода еще и в сроки, предусмотренные статьей 109 названного Кодекса для стадии предварительного расследования (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 4 октября 2012 года № 1853-О и № 1854-О).

Подобный подход воспринят правоприменительной практикой. Так, в постановлении от 19 октября 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил судам: если имеются предусмотренные законом основания возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его

рассмотрения судом, в соответствии с частью третьей статьи 237 УПК Российской Федерации судье следует принять решение о мере пресечения в отношении обвиняемого, содержащегося под стражей, с указанием срока ее действия; при необходимости судья продлевает срок содержания обвиняемого под стражей для производства процессуальных действий с учетом сроков, предусмотренных статьей 109 данного Кодекса; в срок, продленный для производства следственных и иных процессуальных действий, не засчитывается время содержания лица под стражей со дня поступления уголовного дела в суд до возвращения его прокурору (пункт 33).

Именно такое понимание оспоренных норм высказали в своих официальных отзывах по настоящему делу представители Федерального Собрания и Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации, т.е. полномочные представители органов, издавших и подписавших оспоренный акт.

Вопреки названным требованиям закона и изложенным указаниям Верховного Суда Российской Федерации суды по делу заявителя заняли совершенно противоположную позицию, в соответствии с которой требование 18-месячного предельно допустимого срока пребывания под стражей не распространяется, по их мнению, на случаи возвращения дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

К сожалению, Конституционный Суд Российской Федерации не располагал возможностью исследовать правоприменительную практику по затронутому вопросу, поскольку позиции Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и других заинтересованных органов не истребовались. Поэтому трудно судить, насколько широкое распространение получил подобный подход, однако даже на единичном примере можно обнаружить его изъяны. Получив продление срока содержания обвиняемого под стражей, органы следствия имели возможность под видом устранения препятствий и ознакомления обвиняемого с

материалами дела проводить следственные действия, направленные на восполнение недостатков следствия, допущенных на предыдущем этапе, – допросы, обыски и другое, как это имело место в деле заявителя, что категорически запрещено законом. При этом, поскольку закон не ограничивает возможность направления судом дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения, постольку и сроки содержания обвиняемого под стражей превращаются в бесконечные, ограниченные разве что сроками давности привлечения к уголовной ответственности. Не удивительно, что по делу С.В.Махина следствие длилось 17 месяцев, а так называемое устранение препятствий рассмотрения дела судом и ознакомление обвиняемого с материалами дела – более 26 месяцев.

Процессуальные особенности такой стадии уголовного процесса, какой является возвращение судом дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения, могли бы быть прописаны в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации более детально. Однако это – дискреционное полномочие федерального законодателя. Конституционный Суд Российской Федерации имел возможность, посчитав оспоренные нормы неопределенными, поставить перед законодателем вопрос об их совершенствовании. Но создавать путем конституционно-правового истолкования фактически новую норму, да еще и изменяя при этом свои ранее сформулированные позиции, воспринятые Верховным Судом Российской Федерации, апеллируя вместо четко обозначенного в законе предельного срока содержания под стражей к размытому термину «разумность», вряд ли продуктивно. Сомнительно, что такой подход послужит формированию единой правоприменительной практики, а гарантированное статьей 22 Конституции Российской Федерации право каждого на свободу и личную неприкосновенность может оказаться нарушенным.

Особое мнение
судьи Конституционного Суда Российской Федерации
С.М.Казанцева

Не имея возможности согласиться с позицией большинства судей Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу, излагаю свое особое мнение.

1. По смыслу статей 17 (часть 2), 21 (часть 1) и 22 Конституции Российской Федерации, принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность, относящееся к числу основных прав человека и признаваемое Всеобщей декларацией прав человека (статья 1), воплощает наиболее значимое социальное благо, которое исходя из признания государством достоинства личности предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу ее автономии. Названное право, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 13 июня 1996 года № 14-П, включает, в частности, право не подвергаться ограничениям, которые связаны с применением задержания, ареста, заключения под стражу или с лишением свободы во всех иных формах без предусмотренных законом оснований и вне надлежащей процедуры, без санкции суда, а также сверх установленных или контролируемых сроков. Иное означало бы произвольное ограничение свободы и нарушало бы как требования статьи 22 Конституции Российской Федерации, так и предписания пункта 1 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Конституция Российской Федерации допускает возможность ограничения права на свободу и личную неприкосновенность лишь в той мере, в какой это необходимо в определенных ею целях, в предусмотренном законом порядке, с соблюдением общеправовых принципов и на основе конституционных критериев разумности и соразмерности, с тем чтобы не оказалось затронутым само существо данного права. Как указал

Конституционный Суд Российской Федерации в ряде своих решений, публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей (постановления от 27 апреля 2001 года № 7-П, от 30 октября 2003 года № 15-П, от 22 марта 2005 года № 4-П, от 14 июля 2005 года № 9-П, от 16 июня 2009 года № 9-П, от 6 декабря 2011 года № 27-П, от 4 октября 2012 года № 1852-О, от 7 октября 2014 года № 2162-О и др.).

Недопустимость избыточного или не ограниченного по продолжительности содержания под стражей вытекает и из пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которому каждый имеет право на рассмотрение любого предъявленного ему обвинения без неоправданной задержки.

Приведенные требования Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов, а также основанные на них правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации предполагают обязанность законодателя определить в законе время пребывания лица под стражей в соответствии с принципами справедливости и равенства, с тем чтобы исключить возможность произвольного и несоразмерного ограничения права на свободу и личную неприкосновенность.

Европейский Суд по правам человека также считает, что правовая защита лица от произвольного вмешательства со стороны государства в его право на свободу, гарантированное Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (статья 5), предполагает соразмерность ограничения этого права, означающую обеспечение баланса между общественными интересами, которые могут потребовать предварительного заключения лица под стражу, и важностью права на свободу личности с учетом презумпции невиновности. При установлении такого баланса важным фактором является

продолжительность содержания под стражей, которая не должна превышать разумных пределов; при этом, хотя особая тяжесть преступлений может вызвать такую реакцию общества и социальные последствия, которые делают оправданным предварительное заключение лица, по крайней мере в течение определенного времени, продление содержания под стражей на основе учета одной только тяжести преступления недопустимо; необходим учет обстоятельств, оправдывающих содержание подсудимого под стражей (возможность давления на свидетелей, опасность, что подсудимый скроется от правосудия, и др.), а также важность предмета разбирательства, сложность дела, поведение подсудимого, мнение компетентных органов и др. (постановления от 26 июня 1991 года по делу «Летелье (Letellier) против Франции», от 27 августа 1992 года по делу «Томази (Tomasi) против Франции», от 28 октября 1994 года по делу «Мюррей (Murray) против Соединенного Королевства», от 10 февраля 1995 года по делу «Аллене де Рибемон (Allenet de Ribemont) против Франции», от 28 марта 2000 года по делу «Барановски (Baranowski) против Польши», от 6 апреля 2000 года по делу «Лабита (Labita) против Италии» и от 29 января 2008 года по делу «Саади (Saadi) против Соединенного Королевства»).

2. Конкретизируя положения статьи 22 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 55 (часть 3) применительно к такой мере пресечения, как заключение под стражу, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет единые для всего уголовного судопроизводства нормативные основания применения этой меры (статьи 97, 99 и 108), а также закрепляет обязанность суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя немедленно освободить всякого незаконно задержанного, или лишеного свободы, или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного данным Кодексом (часть вторая статьи 10).

Соответственно, по смыслу статей 22, 46 (часть 1), 48, 118, 120 и 123 Конституции Российской Федерации, суд как орган правосудия призван обеспечить справедливую процедуру принятия решения о применении

указанной меры пресечения исходя из одинаковой природы и значения судебных гарантий для защиты прав и законных интересов личности при принятии решений, связанных с ограничением свободы и личной неприкосновенности, вне зависимости от того, на какой стадии уголовного судопроизводства эти решения принимаются (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 года № 4-П).

В то же время стадийность уголовного судопроизводства предопределяет отдельную регламентацию сроков содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых в период предварительного расследования и подсудимых во время судебного разбирательства, в связи с чем Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет отдельно для каждой стадии уголовного процесса различные по продолжительности сроки содержания под стражей.

3. Сроки содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых в период предварительного расследования установлены в статье 109 УПК Российской Федерации. Как правило, содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца (часть первая); при невозможности закончить предварительное следствие в указанный срок он может быть продлен судьей до 6 месяцев; дальнейшее продление срока до 12 месяцев допускается в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела (часть вторая), а в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, – до 18 месяцев (часть третья).

Таким образом, продолжительность содержания под стражей на досудебной стадии производства по уголовным делам имеет строго фиксированные ограничения, за пределами которых дальнейшее продление пребывания под стражей не допускается, чем предопределяется

обязательность немедленного освобождения содержащегося под стражей обвиняемого (часть четвертая статьи 109 УПК Российской Федерации).

В связи с необходимостью обеспечить закрепленное законами Российской Федерации и Конвенцией о правах человека и основных свобод право каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты (подпункт «б» пункта 3 статьи 6, статья 217 УПК Российской Федерации) Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает возможность продления содержания под стражей сверх установленных частями второй и третьей его статьи 109 предельных сроков (6, 12 и 18 месяцев соответственно) до момента окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами окончательного расследования уголовного дела и направления прокурором уголовного дела в суд для случаев, когда указанные материалы были предъявлены обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику не позднее чем за 30 суток до окончания указанных предельных сроков содержания под стражей, однако для ознакомления с ними этого времени оказалось недостаточно; при этом если в производстве по уголовному делу участвуют несколько обвиняемых, содержащихся под стражей, и хотя бы одному из них 30 суток оказалось недостаточно для ознакомления с материалами уголовного дела, то следователь с согласия руководителя следственного органа по субъекту Российской Федерации или приравненного к нему руководителя иного следственного органа вправе не позднее чем за семь суток до истечения предельного срока содержания под стражей возбудить ходатайство о продлении этого срока перед соответствующим судом и в отношении того обвиняемого или тех обвиняемых, которые ознакомились с материалами уголовного дела, если не отпала необходимость в применении к нему или к ним заключения под стражу и отсутствуют основания для избрания иной меры пресечения (части четвертая, пятая и седьмая статьи 109 УПК Российской Федерации).

Исходя из этого судья не позднее чем через пять суток со дня получения ходатайства следователя принимает в установленном порядке решение либо о продлении срока содержания под стражей до момента окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, либо об отказе в удовлетворении ходатайства следователя и освобождении обвиняемого из-под стражи (часть восьмая статьи 109 УПК Российской Федерации).

По смыслу приведенных законоположений, предельный срок содержания обвиняемого под стражей на досудебной стадии производства по уголовным делам может быть продлен, но лишь в целях завершения ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования. Данный вывод неоднократно был подтвержден решениями Конституционного Суда Российской Федерации (определения от 6 июня 2003 года № 184-О, от 15 июля 2003 года № 308-О, от 23 апреля 2013 года № 548-О, от 22 апреля 2014 года № 877-О и др.) с констатацией того факта, что права заявителей не нарушаются законоположениями, не устанавливающими конкретную продолжительность срока содержания обвиняемого под стражей в период его ознакомления с материалами уголовного дела, допуская возможность определения этого срока в зависимости от обстоятельств данного дела.

В частности, при рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания под стражей в период ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия суду следует проверять обоснованность доводов органов предварительного расследования о невозможности своевременного ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела по объективным причинам, выяснять, по каким причинам обвиняемый и его защитник не ознакомились с материалами дела в полном объеме, устанавливать, не является ли это обстоятельство результатом неэффективной организации процесса ознакомления обвиняемого и его

защитника с материалами уголовного дела, не связано ли оно с явным затягиванием времени обвиняемым и его защитником, а также соблюдена ли предусмотренная частью третьей статьи 217 УПК Российской Федерации процедура ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела; необходимость ознакомления (продолжения ознакомления) с материалами уголовного дела не может быть единственным и достаточным основанием для продления срока содержания под стражей как в отношении обвиняемого, не ознакомившегося с материалами уголовного дела, так и в отношении других обвиняемых по делу, полностью ознакомившихся с указанными материалами; каждое решение суда о продлении срока содержания обвиняемого под стражей должно обосновываться не одними лишь ссылками на продолжающееся ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами дела, а фактическими данными, подтверждающими необходимость сохранения этой меры пресечения (пункт 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»).

Таким образом, само по себе продление предельных сроков содержания под стражей, предусмотренных статьей 109 УПК Российской Федерации, на период ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия ввиду невозможности завершения ознакомления до истечения предельного срока содержания под стражей конституционные права граждан не нарушает (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 октября 2014 года № 2162-О).

При этом, как отметил Европейский Суд по правам человека, согласно имеющим обязательную силу разъяснениям Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 года и от 25 декабря 1998 года при отсутствии прямого указания в законе на возможность неоднократного

продления предельного срока содержания под стражей на том основании, что обвиняемый не закончил ознакомление с материалами уголовного дела, удовлетворение неоднократных ходатайств о продлении срока содержания обвиняемого под стражей не допускается законом и противоречит гарантии против произвольного содержания под стражей. Ограничительное толкование, принятое Конституционным Судом Российской Федерации, согласуется с требованиями статьи 5 Конвенции, которая признает заключение под стражу исключительным отступлением от права на свободу и допустимым в исчерпывающим образом перечисленных и строго определенных случаях (см., в частности, постановление Европейского Суда по правам человека от 10 июня 2010 года по делу «Шерстобитов против Российской Федерации», жалоба № 16266/03, § 113; постановление от 28 июня 2007 года по делу «Шухардин против Российской Федерации», жалоба № 65734/01, § 67; постановление от 2 марта 2006 года по делу «Нахманович против Российской Федерации», жалоба № 55669/00, § 79; постановление по делу «Худоеров против Российской Федерации», § 142; постановление от 29 мая 2012 года по делу «Суслов против Российской Федерации», § 77).

Продолжительность содержания под стражей на судебной стадии производства по уголовным делам не имеет строго фиксированного ограничения. Но это не означает, что сроки содержания под стражей на данном этапе уголовного судопроизводства не контролируются. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 22 марта 2005 года № 4-П, само по себе то, что законодатель, учитывая различную степень сложности уголовных дел и иные обстоятельства, обуславливающие сроки, в том числе длительные, рассмотрения уголовных дел, предусмотрел возможность – при условии соблюдения принципа разумности этих сроков – продления содержания подсудимого под стражей в период судебного разбирательства свыше 6 месяцев, но каждый раз не более чем на 3 месяца, не может расцениваться как чрезмерное ограничение прав и свобод; напротив, адресованное суду требование не реже чем через 3 месяца

возвращаться к рассмотрению вопроса о наличии оснований для дальнейшего содержания подсудимого под стражей, независимо от того, имеются ли на этот счет какие-либо обращения сторон или нет, обеспечивает судебный контроль за законностью и обоснованностью применения этой меры пресечения и ее отмену в случае, если необходимость в ней не будет доказана.

4. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации (Определение от 7 октября 2014 года № 2162-О), особым случаем решения о продлении содержания обвиняемого под стражей является принятие такого решения при возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом согласно статье 237 УПК Российской Федерации.

В соответствии с логикой стадийного построения уголовного судопроизводства возвращение уголовного дела прокурору, а затем от прокурора – следователю в отечественной правовой доктрине рассматривается как возвращение дела со стадии судебного производства к стадии досудебного производства.¹

Однако, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, такое возвращение не приводит к автоматическому восстановлению избранной ранее на период предварительного расследования меры пресечения – она прекращает свое действие после направления прокурором уголовного дела в суд (определения от 4 октября 2012 года № 1852-О и от 7 октября 2014 года № 2162-О). Но равным образом она не приводит и к автоматическому сохранению меры пресечения, избранной на период судебного разбирательства.

Для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на данном этапе движения уголовного дела требуется установление судом с

¹ См.: Тришева А.А. Возвращение уголовного дела прокурору: судьба института // Законность. 2015. № 4; Аристархов А. Проблемы возвращения судом уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения путем предъявления более тяжкого обвинения // Уголовное право. 2014. № 1. С. 93–98; Александров А., Лапатников М. Восстановление института возвращения судом уголовного дела прокурору на доследование // Уголовное право. 2013. № 6. С. 87 и др.

участием заинтересованных сторон правовых и фактических обстоятельств, подтверждающих наличие как общих нормативных оснований для избрания мер пресечения, так и специальных условий назначения и продления заключения под стражу, закрепленных в статьях 108 и 109 данного Кодекса, а также в части третьей его статьи 237 (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 4 октября 2012 года № 1852-О и от 7 октября 2014 года № 2162-О).

Федеральным законом от 26 апреля 2013 года № 64-ФЗ статья 162 «Срок предварительного следствия» УПК Российской Федерации была дополнена частью шестой¹, согласно которой в случае возвращения прокурором уголовного дела следователю в связи с выявлением судом обстоятельств, указанных в частях первой и первой² статьи 237 данного Кодекса, срок производства следственных и иных процессуальных действий не может превышать одного месяца со дня поступления уголовного дела к следователю; дальнейшее продление срока предварительного следствия производится на общих основаниях в порядке, установленном частями четвертой, пятой и седьмой данной статьи. Конституционность данной нормы была подтверждена в определениях Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2015 года № 1541-О, № 1542-О и № 1543-О.

По смыслу части третьей статьи 237 УПК Российской Федерации, суд, решая вопрос о продлении пребывания обвиняемого под стражей при возвращении уголовного дела прокурору, обязан устанавливать разумный срок, необходимый для обеспечения производства следственных и иных процессуальных действий, учитывая при этом продолжительность содержания обвиняемого под стражей на досудебной стадии процесса, с тем чтобы его пребывание под стражей не превысило предельные сроки, предусмотренные статьей 109 УПК Российской Федерации, и исключая при этом время содержания обвиняемого под стражей со дня поступления уголовного дела в суд и до его возвращения прокурору, сроки исчисления

которого определены статьей 255 данного Кодекса для судебной стадии (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 4 октября 2012 года № 1852-О, № 1853-О и № 1854-О, от 7 октября 2014 года № 2162-О).

Подобный подход воспринят и правоприменительной практикой. Так, в постановлении от 22 декабря 2009 года № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил судам: если в досудебном производстве были допущены существенные нарушения закона, неустраняемые в судебном заседании, а устранение таких нарушений не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, судья в соответствии с частью первой статьи 237 УПК Российской Федерации по собственной инициативе или по ходатайству стороны в порядке, предусмотренном статьями 234 и 236 данного Кодекса, возвращает дело прокурору для устранения допущенных нарушений; одновременно с этим судья в соответствии с частью третьей статьи 237 УПК Российской Федерации принимает решение о мере пресечения в отношении обвиняемого (в том числе о заключении под стражу), при этом в постановлении следует указать конкретный срок, на который продлевается содержание лица под стражей, исходя из его разумности с учетом сроков, предусмотренных статьей 109 данного Кодекса, а также дату его окончания (пункт 14).

Таким образом, суд при возвращении дела прокурору продлевает срок содержания обвиняемого под стражей – при необходимости сохранения данной меры пресечения – с учетом предельных сроков, предусмотренных статьей 109 УПК Российской Федерации, и лишь в рамках, достаточных для производства следственных и иных процессуальных действий, необходимых для устранения препятствий его судебному рассмотрению.

Изложенное находит подтверждение и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 «О

практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», согласно которому, если имеются предусмотренные законом основания возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, в соответствии с частью третьей статьи 237 УПК Российской Федерации судье следует принять решение о мере пресечения в отношении обвиняемого, содержащегося под стражей, с указанием срока ее действия; при необходимости судья продлевает срок содержания обвиняемого под стражей для производства следственных и иных процессуальных действий с учетом сроков, предусмотренных статьей 109 УПК Российской Федерации; в срок, продленный для производства следственных и иных процессуальных действий, не засчитывается время содержания лица под стражей со дня поступления уголовного дела в суд до возвращения его прокурору (пункт 33).

5. Но при этом остаются открытыми по крайней мере два вопроса. Во-первых, с какого момента начинать отсчет предельного срока содержания под стражей на этой специфической стадии (или квазистадии) уголовного судопроизводства: с момента возбуждения уголовного дела, с момента возвращения уголовного дела прокурору, а может быть, даже с момента возвращения дела от прокурора следователю? А во-вторых, обязан ли следователь знакомить обвиняемого (всех обвиняемых) со всеми материалами дела или только с теми материалами, которые были приобщены к делу после его возвращения прокурору?

Применительно к такому специфическому институту, как возвращение дела прокурору и, соответственно, следователю в порядке статьи 237 УПК Российской Федерации, федеральный законодатель мог бы конкретизировать процедуру и сроки ознакомления обвиняемого и его защитника с вновь появившимися в уголовном деле материалами после устранения препятствий его рассмотрения судом, с тем чтобы наиболее эффективно гарантировать конституционные права всех участников уголовного процесса на справедливое судебное разбирательство в разумный срок и защиту иных

охраняемых Конституцией Российской Федерации ценностей, но он лишь ограничился ссылкой на статью 109.

По буквальному смыслу части 3 статьи 237 УПК Российской Федерации получается, что при решении вопроса о продлении срока пребывания обвиняемого под стражей, в том числе для повторного ознакомления с материалами уголовного дела после устранения препятствий его судебного рассмотрения при возвращении дела прокурору, суд должен руководствоваться теми же положениями статьи 109 УПК Российской Федерации, которые применимы и в случае ординарного окончания стадии предварительного расследования. То есть в соответствии с положениями частей 5 и 6 данной статьи материалы уголовного дела должны быть предъявлены обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику не позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей, и если они предъявлены позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей, то по его истечении обвиняемый подлежит немедленному освобождению с сохранением за ним и его защитником права на ознакомление с материалами уголовного дела.

В ранее принятых определениях по аналогичным делам Конституционный Суд Российской Федерации коснулся только второго вопроса – об ознакомлении с материалами дела. Он указал, что, по смыслу части третьей статьи 237 УПК Российской Федерации в ее взаимосвязи со статьей 6¹ данного Кодекса, содержащей требования об осуществлении уголовного судопроизводства в разумный срок, суд, решая после возвращения уголовного дела прокурору вопрос о продлении срока содержания обвиняемого под стражей в целях ознакомления с материалами уголовного дела, обязан руководствоваться, прежде всего, безусловной необходимостью обеспечения его права на ознакомление с новыми для него, не фигурировавшими ранее в деле материалами (т.е. с теми, которые были получены в ходе устранения отмеченных судом препятствий к его судебному рассмотрению и с которыми он еще не знакомился), что не препятствует суду

в рассмотрении в процессе такого ознакомления ходатайства о пролонгации действия данной меры пресечения, обусловленной потребностью обвиняемого в обращении к тем материалам уголовного дела, с которыми он ознакомился до направления дела в суд, с учетом общей продолжительности нахождения лица под стражей, которая не должна превышать разумных сроков. Вместе с тем правовая природа основанного на статье 237 УПК Российской Федерации института возвращения уголовного дела прокурору не вызывает необходимость в каждом случае применять всю ординарную, предусмотренную лишь для предварительного расследования, процедуру продления сроков содержания под стражей, обеспечивающую ознакомление с материалами уголовного дела в полном объеме (Определение от 7 октября 2014 года № 2162-О).

Но первый вопрос до сих пор остается без ответа. В результате такой правовой неопределенности положения статьи 109 УПК Российской Федерации на практике, как свидетельствуют, в частности, материалы дела гражданина С.В.Махина, могут расширительно интерпретироваться и применяться судами как допускающие неоднократное продление предельного срока содержания под стражей при расследовании после возвращения уголовного дела прокурору без учета срока предварительного расследования преступления (в том числе в случаях, когда предельный срок содержания под стражей – 6, 12 и 18 месяцев со дня возбуждения уголовного дела – был исчерпан до первоначальной передачи дела в суд). То есть неопределенность правового регулирования позволяет судам применять положения статьи 109 УПК Российской Федерации в ее связи со статьей 237 данного Кодекса таким образом, как будто отсчет и сроков предварительного следствия, и сроков содержания под стражей, включая предельный (6, 12 и 18 месяцев), после возвращения дела прокурору начинается заново. Причем крайне важно подчеркнуть, что обвиняемый «расплачивается» в таких случаях не за свое негативное поведение, а исключительно за «недостатки предварительного следствия», т.е. за ошибки своего процессуального

противника – стороны обвинения. Такое толкование оспариваемых положений при отсутствии прямого указания в законе на возможность неоднократного продления предельного срока содержания под стражей не вытекает из смысла статей 1 (часть 1), 2, 17, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 22 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации.

Неопределенность оспариваемых законоположений способствует применению содержания под стражей в качестве меры пресечения без должной процедуры и ясно определенных и контролируемых сроков, что придает ограничению права на свободу и личную неприкосновенность произвольный характер.

Такое неоднозначное понимание положений статьи 109 УПК Российской Федерации, рассматриваемых в совокупности с положениями его статьи 237, в правоприменительной практике свидетельствует о наличии неопределенности, дающей возможность неограниченного усмотрения правоприменительных органов при определении процессуальных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, означает нарушение вытекающего из Конституции Российской Федерации принципа юридического равенства, которое, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, может быть обеспечено лишь при условии единообразного применения правовых норм, возможного только при наличии их формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности и согласованности в системе действующего правового регулирования. Неопределенность законодательной регламентации сроков содержания под стражей, включая предельный (6, 12 и 18 месяцев), после возвращения дела прокурору не только нарушает общеправовой принцип юридического равенства (статья 19, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации), но и свидетельствует о невыполнении федеральным законодателем обязанности, вытекающей из статей 1 (часть 1), 2, 17, 21 (часть 1), 22, 71 (пункты «в», «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Федерации, и вопреки требованиям ее статьи 55 (часть 3) приводит к фактическому ограничению конституционных прав на защиту достоинства личности, на свободу и личную неприкосновенность.

б. Таким образом, оспариваемые положения частей третьей – седьмой статьи 109 в их взаимосвязи с частью третьей статьи 237 УПК Российской Федерации в той мере, в какой они в силу неопределенности правового регулирования продления срока содержания обвиняемого под стражей на период его ознакомления с материалами возвращенного прокурору уголовного дела после устранения препятствий его рассмотрения судом и завершения необходимых для этого следственных и иных процессуальных действий порождают возможность неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного применения данных сроков, не соответствуют статьям 1 (часть 1), 2, 17, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 22 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.